
РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ*

Мамедова Н. М.**

В статье раскрываются структура и механизмы формирования российской идентичности в условиях трансформирующего воздействия современных социально-политических реалий. Осмыслен концепт «российская идентичность» как отражение смысловой преемственности российской истории, этнополитических процессов, интеллектуальных, этических, эстетических интенций, образующих его семантическое пространство. Выявлены основные противоречия в структуре национального самосознания. Российская идентичность представлена как форма социальной организации общества, как мощный мобилизационный политический и социальный ресурс. Проблема идентичности как механизм коллективного и индивидуального самоопределения и политической мобилизации приобретает особое значение в условиях противостояния глобализации как средство сохранения национальной самобытности, как личностные императивы должного поведения. Определены наиболее эффективные социоорганизующие стратегии, которые способны обеспечить национальную идентичность в условиях современного геополитического разлома мира. Показано, что одной из возможных концептуальных моделей реконструкции российской идентичности является евразийский проект.

Ключевые слова: идентичность, спонтанные и сознательные порядки, территория, политическая дифференциация, евразийство, «невидимые практики власти».

RUSSIAN IDENTITY: SOCIO-CULTURAL CONTEXT

The article reveals the structure and mechanisms of formation of Russian identity in the conditions of transformative impact of modern socio-political realities. The concept of 'Russian identity' is comprehended as a reflection of semantic continuity of Russian history, ethno-political processes, intellectual, ethical, aesthetic intentions that form its semantic space. The main contradictions in the structure of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки (проект № FSSW-2023-0053, соглашение № 075-03-2024-140 от 17.01.2024 (в редакции дополнительного соглашения № 075-03-2024-140/6 от 15.07.2024).

Для цитирования: Мамедова Н. М. Российская идентичность: социокультурный контекст // Век глобализации. 2025. № 1. С. 167–177. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.14.

For citation: Mamedova N. M. Russian Identity: Socio-Cultural Context // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 167–177. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.14 (in Russian).

** Мамедова Наталия Михайловна – д. филос. н., профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: natmam_5@mail.ru.

Natalia M. Mamedova – Dr. Phil., Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: natmam_5@mail.ru.

national self-consciousness are revealed. Russian identity is presented as a form of social organization of society, as a powerful mobilization political and social resource. The problem of identity as a mechanism of collective and individual self-determination and political mobilization acquires special significance in the conditions of confrontation with globalization as a means of preserving national identity, as personal imperatives of proper behavior. The most effective socio-organizing strategies that can ensure national identity in the conditions of modern geopolitical rift of the world are determined. It is shown that one of the possible conceptual models for the reconstruction of Russian identity is the Eurasian project.

Keywords: *identity, spontaneous and conscious orders, territory, political differentiation, Eurasianism, 'invisible practices of power'.*

Национальная идентичность в современных условиях – это не только предмет теоретической рефлексии, но и мощный фактор мировой и внутренней политики государств, сохранения национального суверенитета и безопасности. Значимость проблемы российской идентичности определяется тем, что в ней выражена острая эпистемологическая коллизия, которую можно определить следующим образом – как и на каких методологических основаниях можно преобразовать эмпирически данное многообразие образов отечества и государственности в интегративный ментальный феномен, обладающий специфическими чертами, структурой и социально-политическим потенциалом. Чрезмерное использование понятия «идентичность» в разных контекстах привело к его смысловой девальвации. Это, с одной стороны, означает, что проблема идентичности является остроактуальной. А с другой стороны, поскольку смысловое пространство идентичности вследствие многовариантности интерпретаций утратило определенность, необходимо прояснить ее смысл и эвристический потенциал.

Так, немецкие исследователи Р. Брубейкер и Ф. Купер выделяют «сильное» и «слабое» понимание идентичности. «“Сильное” значение идентичности – это фундаментальные концепции, сохраняющие общеупотребительное значение термина, подчеркивающие постоянство характеристик на протяжении некоторого времени или сходство трансиндивидуальных качеств» [Брубейкер, Купер 2000]. «Слабое» значение идентичности, наоборот, отражает случайные, неоднородные, изменчивые характеристики субъекта. Поэтому авторы предлагают вообще отказаться от использования термина «идентичность» и в качестве исследовательской альтернативы выдвигают три группы терминов: «идентификация и категоризация; самопонимание и социальная ориентация, общность, связанность, групповая принадлежность» [Там же]. Очевидно, что такая исследовательская новация лишь умножает сущности (Бритва Оккама). Все группы терминов, предложенные вместо одного, имплицитно содержатся в смысловом пространстве концепта «идентичность», отражают различные модусы идентичности.

Французский социолог Пьер Нора пытается объяснить «секрет загадочного, вызывающего к объяснению успеха... идентичности» [Нора 2005], точнее, социальной идентичности, которую он понимает как синоним социальной памяти. Сближение памяти и идентичности объясняется следствием новых механизмов «исторической и социальной динамики». Исследователь считает, что «торжество памяти» и идентичности возникает на пересечении двух исторических явлений – ускорение социального времени и «демократизация» общества. Ускорение време-

ни означает, что устойчивым и постоянным становится изменение. Это элиминирует линейный образ времени (прошлое – настоящее – будущее). Прошлое не успевает кристаллизироваться в устойчивые социальные феномены, будущее еще более неопределенно, чем настоящее. Поэтому современная культура стремится запечатлеть стремительно меняющуюся действительность в различных артефактах памяти (музеи, архивы, памятные даты и т. п.). Отличительной особенностью современности становится все более интенсивное использование прошлого – политическое, туристическое, культурное. Это «мемориальное изобилие» – следствие того факта, что прошлое утратило единый смысл и что настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого [Ассман 2004; Нора 2005]. Демократизация общества также является причиной идентификационного бума, вызвав к жизни множество новых независимых государств, которые стремились самоопределиться, обозначив свою идентичность, используя реальное или вымышленное прошлое.

В течение трех последних столетий вопрос о сущности российской культуры, ее месте в мировой истории, ценностях, составляющих ее ядро, находится в фокусе интеллектуальной рефлексии. Это можно объяснить исключительной социально-исторической силой идеи национального самоопределения, которая в современном дискурсе и обозначается термином «идентичность». Тем более что «под влиянием глобализации возникает потребность научной рефлексии оснований культурного синтеза, органично сочетающего общечеловеческие и национальные компоненты многоконфессионального и поликультурного общества, каковым является Россия» [Мамедова 2019: 134]. Теоретическая репрезентация проблемы российской идентичности возможна на основе междисциплинарного синтеза разнообразных гуманитарных дискурсов, сочетания натуралистической, социальной и экзистенциальной парадигм, позволяющих отразить ее многослойность. Конвергенция эвристических потенциалов и методологических установок социальной философии, политологии, социологии, этнопсихологии может создать релевантную базу для изучения проблем российской идентичности.

Значение проблематики цивилизационной идентичности определяется не только теоретическими потребностями, но и практическими социальными задачами политической мобилизации общества, сохранения преемственного континуума культуры, создания единого образа отечественной истории, который минимизирует возможность различных толкований, разрывающих общественное самосознание. На основе дискурс-анализа текстовых материалов, отражающих устойчивые ценностно-смысловые интенции относительно политического и культурного самоопределения России, в статье выявляются тенденции российского национального самосознания. Концепт «российская идентичность» создает эпистемологический ресурс для выявления природы и способов объективации субъективности, создает универсальные основания консолидации субъектов в противовес тенденциям социальной атомизации.

В течение трех последних столетий вопрос о сущности российской культуры, ее месте в мировой истории, ценностях, составляющих ее ядро, находится в фокусе интеллектуальной рефлексии. Это можно объяснить исключительной социально-исторической силой идеи национального самоопределения, которая в современном дискурсе и обозначается термином «идентичность». Дискурс идентично-

сти в ретроспективном измерении претерпел инверсию от понимания ее как самоидентичности личности к различным формам коллективной идентификации. Самый широкий уровень культурной идентификации – цивилизационный. «Цивилизация – это культурная целостность самого высокого уровня, которая определяется общими объективными элементами (история, язык, религия, социальные институты, традиции) и субъективной самоидентификацией» [Мамедова 2019]. Сущность понятия «идентичность» образует антиномия тождества и различия (уникальности), благодаря которым она сводит воедино или дифференцирует. Идентичность образуется на основе пересечения, взаимодействия двух разнонаправленных потребностей – в принадлежности и выделении субъекта как автономной сущности.

Как формируется национальная идентичность? По определению, национальная идентичность связана с феноменом нации. Следовательно, процессы формирования идентичности определяются закономерностями формирования нации. Но смысловое пространство понятия идентичности отражает также весь историко-культурный контекст, который предшествует становлению нации. В условиях полиэтнического государства, каковым является Россия, другим важным фактором сложения общероссийской идентичности является межкультурная коммуникация. Формирование национальной идентичности основано на диалектике спонтанных и сознательных порядков. «Спонтанные порядки» – это объективные основы формирования идентичности, результат естественно-исторического процесса. «Спонтанные порядки» в отличие от «сознательных» складываются в ходе органического эволюционного процесса, координация в них осуществляется не на основе сознательной цели, а на основе соблюдения общих универсальных правил поведения [Там же]. Они являются продуктом социальных привычек, традиций.

Традиция выступает формой закрепления, кристаллизации прошлого. Она, как правило, представляет кодификацию прецедента или предписания. Любая культурная форма (демонстративная или императивная) имплицитно или эксплицитно содержит смысловой контекст, который передается через нее и тем самым обеспечивает историческую преемственность культуры. Каждая культурная норма, кроме непосредственного содержания (поведенческий образец, предписание), содержит идеальное, абстрактно-всеобщее содержание, вследствие чего они становятся культурными универсалиями, в которых отражается логика самовоспроизводства культуры.

Принцип территориальности лежит в основе идентификационного процесса. Территория является экономической, политической, социальной и культурной реальностью, образовавшейся под влиянием физического пространства, совместной деятельности, общей истории и культуры народов, ее населяющих. «Пространство представляет собой реальный и потенциальный ресурс жизнедеятельности людей, который используется для разрешения проблемных ситуаций и преодоления кризисов, является основой воспроизводства этносов и личности» [Мамедова 2012: 17], формирования нации. Территориальная общность определяет культурное своеобразие, это пространство постоянно воспроизводящихся взаимодействий различных народов, их диффузии, проявляющейся на различных уровнях существования (быт, традиции, язык).

Евразийство, идеи которого в свете современной аксиологической неопределенности, размытия основ национального самосознания приобретают современные коннотации, как раз основано на признании территории как определяющего фактора культурной и политической интеграции. Классики евразийства отрицали «идеальность», «абсолютность» западноевропейской культуры, правомерность «европоцентризма» в целом и обосновывали особый, интегративный путь развития России [Мамедов 1997: 540].

Поэтому, как нам представляется, одной из возможных концептуальных моделей реконструкции российской идентичности является евразийский проект. «Итак, евразийский мир представляет собой замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом» [Трубецкой 1999: 139].

Эмоционально переживаемое пространство жизни образует семантику слова «Родина», которая отражает первичный смысл национальной идентичности. Если пространство имплицитно связано символизацией ценности родины, то прошлое отражает биографию нации в ее представлениях о себе.

Для понимания объективных оснований формирования национальной идентичности эвристической ценностью обладает концепция жизненного мира, разработанная в рамках феноменологического подхода. Это понятие было предложено Э. Гуссерлем как проекция феноменологии на проблематику социальных наук и наук о человеке. Жизненный мир – это мир повседневности, из которого произрастают все наши представления и ценности. Идентичность, ценности, образующие ее смысловое пространство, являются продуктом повседневной жизни людей. Одновременно понятие жизненного мира создает возможность истолкования не только рациональных, но и эмоциональных и иррациональных компонентов ценностного сознания. Жизненный мир состоит из очевидностей опыта субъектов и предшествует всякой рациональной рефлексии, обладает структурой, в которой ценности играют конститутивную роль. Сложение российской идентичности происходило на основе общего жизненного мира, в ходе повседневного взаимодействия народов, живущих в России, обмена опытом, культурными традициями. «Русское племя создавалось не путем насильственной русификации инородцев, а путем братания русских с инородцами. И всюду, где русский народ в этом отношении был предоставлен самому себе, он продолжал эту национальную традицию братания даже и в императорский период» [Там же: 132]. Самобытная российская культура и самосознание собственной самобытности складывались в результате естественно-исторического процесса взаимодействия народов и культурной диффузии.

Однако, кроме объективных «стихийных порядков», национальное самосознание предполагает рефлексивную деятельность социальных субъектов. «Спонтанные порядки» в отличие от «сознательных» складываются в ходе органического эволюционного процесса, координация в них осуществляется не на основе общей цели, а на основе соблюдения общих универсальных правил поведения. Они являются продуктом социальных привычек, традиций.

“Сознательные порядки” – результат действия социальных акторов – образуют переменную величину миропорядка, связаны с процессом конструирования традиций. Новые традиции становятся средством легитимации власти, базой корпоративной, личной и макроидентичности» [Мамедова 2019]. Это связано с деятельностью элит (интеллектуальных, политических), и механизм воздействия этой деятельности можно объяснить, в частности, «эффектом оракула» (П. Бурдьё). «Эффект оракула – это эксплуатация факта трансцендентности группы по отношению к отдельным индивидам... Этот парадокс монополизации коллективной истины вообще лежит в основе символического принуждения: я являюсь группой, т. е. коллективным принуждением, принуждением коллектива по отношению к каждому его члену» [Бурдьё 1993]. С нашей точки зрения, для прояснения сущности этих процессов также представляется продуктивной идея М. Фуко о микрофизике власти, согласно которой формирование современных субъектов происходит при помощи «невидимых практик» власти [Фуко 2006]. «Невидимые практики» элит используют прошлое для легитимации власти. Прошлое становится источником, своеобразным резервуаром, из которого черпаются обосновывающие настоящее идеи, события, которые претендуют на нормативность и непреходящую значимость, наделяя настоящее ценностью и смыслом, образуя смысловое пространство идентичности.

Коллективная память, питающая идентичность, может существовать не только в иконической, образной форме, но и в нарративной – предания, пословицы, идиомы. Эти идеи и события канонизируются в виде традиций, обрядов, ритуалов, закрепляются системой образования, праздниками. Ритуальное повторение прошлого в его различных объективациях обеспечивает единство пространства и времени культуры. Таким образом прошлое становится настоящим, входит в общественное сознание и образует ценностную основу идентичности.

Образ идентичности формирует положительные автостереотипы, отталкиваясь от стереотипов «чужих» культур как негативных и минимизируя внутренние различия. Эпоха глобализации образует единое мировое пространство, порождает специфические идентификационные эффекты, получившие название «глокализации». «Локализация глобальности – отражает тенденцию осуществления глобального через локальное. В данном случае “глобальное” есть не только “интернациональное”, но и “локальное” в той степени, в какой последнее локализовано» [Robertson 1990: 16]. Глобализация, проявляясь на локальном уровне, активизирует процессы самореференции этносов, определения собственной уникальности. Универсалистские тенденции глобализации дают толчок процессам воссоздания национальной идентичности. Можно согласиться с идеей Ю. Хабермаса, что «когнитивные диссонансы», которые возникают при взаимодействии культур, ведут «при столкновении различных культурных форм к закалке национальной идентичности». С другой стороны, возникают «гибридные дифференциации, которые размывают сравнительно гомогенные жизненные формы вследствие того, что культуры отдельных стран ассимилируют всемирную материальную культуру, превратившуюся в безальтернативную» [Хабермас 2005]. В этих условиях вопросы сохранения суверенитета, безопасности, социального консенсуса, находящиеся в фокусе проблемы идентичности, оказываются в центре государственной политики. Государство создает рамки, в которых происходят процессы идентифика-

ции, устанавливаются границы, отделяющие *мы* от *они*, наше от другого. В зависимости от степени влияния и власти элит, а также активности граждан государство может обладать различной степенью гомогенизирующих усилий. Таким образом, процессы национального самоопределения и самопрезентации, помимо объективной составляющей, предполагают субъективную, сконструированную деятельностью элит составляющую.

Российская идентичность имеет сложную структуру, которую образует взаимодействие гражданской и социокультурной идентичности, синтез исторических, гражданских, культурных, духовно-нравственных ценностей. В ней отражаются противоречия и трансгрессия социальности, понимаемая как переход всех ее сущностных свойств за границы традиционного бытия. Маргинальность, текучесть, неопределенность характеризует и социальное бытие, и общественное сознание, что придает процессам идентификации гетерогенный, нелинейный характер. В общественном самосознании с определенной долей упрощения можно выделить две основные тенденции: традиционалистская и посттрадиционная, в которых отражаются социальные установки различных групп российского общества. С одной стороны, традиционалисты, ориентированные на поддержание и воспроизводство традиционных ценностей, с другой – группы, активно включенные в модернизационные процессы с превалированием либеральных установок [см.: Холодковский 2011; Работяжев 2013; Попов 2018; Бараш 2019]. Однако, как отмечает К. Г. Холодковский, происходит смешение традиционалистских и модернизационных установок современных россиян. «Иначе говоря, идентичность многих россиян, отнесенных к модернистской группе, пока не является в полной мере модернистской, а в сознание традиционалистов уже начали проникать ценности Модерна» [Холодковский 2011: 88], что свидетельствует о «лабильности нынешней российской идентичности» [Там же: 94].

Следует учитывать также, что многослойность, разнонаправленность социальных ориентаций может быть источником идентификационных конфликтов. Как справедливо утверждает М. Е. Попов, «лежащая в основании социокультурных конфликтов амбивалентность антропологических моделей коллективных идентичностей в российской культуре характеризуется противоречием, с одной стороны, традиционалистской (изоляционистской) модели, с другой – посттрадиционной (интеграционной) модели на основе гражданской идентичности и рационально-секулярных ценностей» [Попов 2018]. Н. В. Работяжев полагает, что политическая дифференциация имеет более сложную картину и отражается в формировании по крайней мере трех политических субкультур, создающих соответствующий образ российской идентичности: «либерально-гражданский (западнический), советский и национал-консервативный» [Работяжев 2013: 132]. Поскольку дивергентность общественного сознания проявляется в контексте полиэтничного, многоконфессионального российского общества, это еще более усложняет процессы формирования общей российской идентичности. «Этноконфессиональное пограничье российских республик – неотъемлемая часть культурного и политического ландшафта нашей страны. С учетом религиозной идентификации россиян, его можно рассматривать как преимущественно православно-исламское пограничье, поскольку ислам – вторая по численности конфессия в РФ» [Рыжова 2020].

В этих условиях российская национальная идентичность как интегративная сущность, основанная на гражданском консенсусе, является средством социальной консолидации и противодействия этническому негативизму и сепаратизму. В ней отражается сопричастность государству, стране, ее истории, культуре, общим целям и судьбе. Поэтому в многонациональной культуре России толерантность как генерализированный мировоззренческий принцип и нравственная позиция гармонизации межличностных отношений является системообразующим элементом общенациональной идентичности. На уровне деятельности толерантность как устойчивая диспозиция общероссийской идентичности проявляется в способности принимать другого как представителя иной национальности, культуры, религии, означает ориентацию на ненасильственное, бесконфликтное взаимодействие с другими. Толерантность может рассматриваться как показатель интеграции общества.

Аксиология российской идентичности. Общенациональная идентичность – динамическая система, в структуре которой взаимодействуют две подсистемы ценностей – гражданские и социокультурные. Гражданские ценности отражают политическую культуру общества и правосознание, понимание основ и принципов объединения граждан, знание гражданских прав и обязанностей. Поэтому правосознание является основой формирования осознанной гражданской идентичности как компонента российской идентичности. В правовом сознании отражаются ценности права: справедливость, равенство, свобода, правовое государство, разделение властей, гражданское общество и т. д. Оно призвано кодифицировать систему власти в такой степени, чтобы каждый субъект социальных отношений мог ощущать правопорядок. Модус гражданственности в российской идентичности отражает консолидацию всех народов, населяющих Россию, на основе закона, норм, уважения свободы и достоинства личности. Значимость правового сознания определяется его функцией в формировании нормативной системы общества, образа должного поведения, ценностей. Во-первых, это ценности позитивного права, регулирующие всю систему социальных отношений – законы, нормы, институты. Во-вторых, ценности, которые проявляются как личностные императивы должного поведения. В-третьих, это ценности права, определяющие его идеальный смысл как культурной универсалии, – равенство, свобода, справедливость.

Социокультурная составляющая российской идентичности как динамической интегративной системы формируется в результате общей истории, культуры (литература, искусство, наука, общее образование), межкультурной диффузии, общих целей и будущего народов, населяющих Россию. Литература и искусство через систему образования транслируют и закрепляют поведенческие модели и духовные смыслы и ценности. Социокультурные ценности отражают культурные универсалии: свободу, гуманизм, нравственные добродетели. Для объяснения оснований сложения российской идентичности представляется конструктивной идея А. Н. Чумакова о культурно-цивилизационном диалоге, когда взаимоотношения строятся на «цивилизационных основаниях», а культура выступает «фоном, андеграундом». «Потому что цивилизованность происходит от лат. *civilis* (гражданский, государственный, правовой). То есть это такие отношения между людьми,

которые основаны на признании верховенства закона, уважении прав и достоинства гражданина» [Чумаков, Оуян Кан 2024].

Смысловое ядро российской идентичности образует патриотизм. Под влиянием социально-политических реалий в структуре российской гражданской идентичности происходит процесс изменения системы ценностей, изменяется смысловое содержание традиционных ценностей. Вместе с тем для сохранения национальной идентичности необходимо воспроизводить инвариантное ядро, которое отражает преемственность культуры. В концепте патриотизма отражается представление народа о своей национальной и государственной общности, закрепленное в исторической памяти, символах и культурных артефактах. Патриотические идеи и чувства приобретают особое значение в переломные периоды истории, на этапах коренных социальных преобразований, когда ослабевают прежние механизмы политического контроля и возникают риски перехода социальных процессов в неконтролируемые деструктивные формы.

Патриотизм является мотивом и мерой ответственного поведения в сложных социально-политических ситуациях, выражает единство человека с обществом. Это интегральный показатель принадлежности гражданина к социальной системе (Отечеству, Родине, стране) и маркер самоидентификации общества в целом. В этом понятии представлены рациональный и эмоциональный компоненты национальной гордости. Патриотизм предполагает готовность граждан к активным и ответственным общественным действиям во имя процветания Отечества. Патриотизм образует культурный ресурс для формирования российской идентичности, духовную основу гармонизации и гражданского объединения общества.

Российская идентичность существует как коллективный (цивилизационный) и индивидуальный (личностный) феномен. Для понимания процессов идентификации и формирования ценностных ориентаций личности, то есть перехода от коллективной к личной идентичности, методологической ценностью обладает концепт «габитус», разработанный французским социологом П. Бурдьё [1998]. Габитусы, как пишет Н. Шматко, это интериоризация социальных отношений «в форме социально структурированных ансамблей практических схем... predisposed to function as structuring structures, generating practices and representations» [Шматко 1998: 64]. Габитус как бы спрессовывает предыдущий опыт человека, который каждый раз актуализируется в подобных условиях. Габитус предопределяет актуальное поведение в определенных ситуациях, которые уже были в прошлом и в результате повторения закрепились в нормативных шаблонах, традициях определенной субкультуры. Габитус выполняет функцию диспозиции личности, в которой содержатся личностные ценностные ориентации, интегрирован весь опыт личности, основа идентификации, как гражданской, так и социокультурной. Таким образом, самоопределение личности, ее система ценностей определяются конкретными факторами и обстоятельствами повседневной жизни индивида, всем его жизненным опытом.

Стратегия созидания единой общероссийской идентичности должна исходить из многовековых традиций общежития населяющих ее этносов и отвечать на вызовы современной эпохи. С этой точки зрения представляется, что одной из воз-

можных концептуальных моделей реконструкции российской идентичности является евразийский проект, в котором отражена специфика российской цивилизации и смоделированы перспективы ее развития. Основой ее формирования является взаимодействие объективных (территория, коммуникации, традиции, общая история) и субъективных (рефлексивная и организующая деятельность элит, активность социальных акторов) факторов.

Литература

Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Бараш Р. Э. Идентичность и мультикультурализм. В поисках базовых категорий анализа // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 31–34. DOI: 10.31857/S004287440003615-1.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности». Brubaker R., Cooper F. Beyond identity // theory A. society. Dordrecht, 2000. Vol. 29. No 1. Pp. 1–47 // Политическая наука. 2005. № 3. С. 191–193.

Бурдье П. Делегирование и политический фетишизм / П. Бурдье // Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993.

Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 2. С. 44–59.

Мамедов Н. М. Евразийство // Хрестоматия по истории философии (русская философия): учеб. пособие для вузов: в 3 ч. Ч. 3. М. : ВЛАДОС, 1997. С. 540–541.

Мамедова Н. М. Пространство как контекст идентификации // Вестник МГСУ. 2012. № 5. С. 17–22. EDN PDBNAH.

Мамедова Н. М. Российская идентичность: спонтанное и сознательное // Российская идентичность: социокультурный контекст: сб. науч. ст. по итогам Международной научной конференции, Москва, 15 ноября 2019 г. М. : Компания КноРус, 2019. С. 9–14. EDN MPKBNE.

Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 24.07.2024).

Попов М. Е. Мировоззренческие основания культуры современной России: сб. научных трудов IX Международной научно-практической конференции (Магнитогорск, 10–12 мая 2018 г.). Вып. 9. Магнитогорск : Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова, 2018. С. 169–171.

Работяжев Н. В. Российская национальная идентичность в зеркале современного отечественного консерватизма / Н. В. Работяжев // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 3(70). С. 62–84. EDN SYNZRR.

Рыжова С. В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 51–61. DOI: 10.31857/S013216250010566-5.

Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. М. : Аграф, 1999.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3.

Хабермас Ю. Политические работы. М. : Праксис, 2005.

Холодковский К. Г. Двойственность российской идентичности // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. 2011. № 1. С. 85–97.

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1(49). С. 3–21. DOI 10.30884/vglob/2024.01.01.

Шматко Н. Д. Социологическое пространство Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 60–70.

Robertson R. A Minimal Phase Model of Globalization // Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity / ed. by M. Featherstone. London : Sage Publications, 1990. Pp. 15–30.